

ЗВЕЗДЫ НА ЗАПАДЕ

(Окончание. Начало на стр. 1)

— Два слова о Семене Бычкове, который потряс петербуржцев недавно своим прочтением Восьмой симфонии Шостаковича.

— Д.Х.: Великолепный музыкант с прекрасной петербургской школой дирижирования, один из лучших современных интерпретаторов музыки Шостаковича. Очень мягкий, интеллигентный человек, способный болеть по-настоящему за то, чем занимается. Мы теперь друзья, а о друзьях я не привык говорить хвалебные слова.

О.Б.: Постановка «Бориса Годунова» во Флоренции мне была очень хорошо известна, потому что я пела в ней в парижской «Опера Бастиль». Тогда со мной работал сам постановщик — Янис Коккос, и у нас возникли небольшие конфликты, потому что я была недовольна его прочтением этой оперы. В конце концов мы пришли к некоторому единству, постарались, чтобы в спектакле было что-то настоящее по стилистике. С Евгением Колобовым я работала впервые, хотя много о нем слышала. Он очень хороший музыкант, прелестный человек, мы с ним подружились.

— Он великий музыкант-романтик, и вам просто повезло: ведь известно, что Колобов предпочитает первую редакцию Мусоргского, без польского акта.

О.Б.: Меня он принял сразу, и польский акт ему был очень интересен.

— С вами в спектакле партию Бориса пел итальянский певец Руджеро Раймонди, исполнитель, потрясший меня своим прочтением этой самой русской партии в фильме Жулавского.

О.Б.: Раймонди был потрясающий. Ни одного русского Бориса такого (!) я не видела. Можно было придрачиться к произношению, но этот человек настолько богатый духовно, настолько понимает, что он делает, знает русскую историю, что я плакала, когда он спел последнее обращение к сыну. Он его даже не спел, а сказал. Гениально! Так ни один русский не скажет. А в первой арии он, наоборот, обращается внутрь себя.

— А если представить за минуту, что Колобов возглавил бы Мариинский театр после ухода Темирканова. Что бы изменилось в театре?

О.Б.: Трудно представить. Гергиев настолько огромная личность и для России, и для Запада. Я думаю, что Колобов тоже мог бы быть большим западным художником. Он очень порядочный человек, очень любит Россию, всегда говорит, что хочет работать именно здесь. А Гергиев много делает для музыки, искусства и за рубежом, и дома. Гергиев не боится, что вначале что-то не получится из-за нехватки времени или репетиций, ведь в театре одновременно готовится несколько оперных спектаклей. Его на все хватает, он заставляет людей быть все время в форме...

— Два последних месяца проходят для вас обоих под знаком выступлений в «Ла Скала». Дмитрий Александрович, ваш дебют в «Скала» прошел без участия Паваротти, который должен был петь в «Паяцах» своего первого Канио. Он заболел или просто не захотел выступать в театре после

Ольга Бородина

того, как его освистали в декабре на премьере «Дон Карлоса»?

Д.Х.: И то, и другое. Хотя его жертва была достаточной: он оперировал мениск в Риме. Естественно, его потрясло то, что произошло в декабре. И Мути тоже. С тех пор критики в Италии ждут очередного повода, чтобы обрушиться на Мути и Паваротти.

— Паваротти заменил опытный Дворский. А вам не было страшно дебютировать в такой обстановке? Кстати, почему на этот раз была нарушена вековая традиция, и «Паяцы» шли в один вечер с балетом Стравинского «Фея кукол»?

Д.Х.: Мне было страшно. А присутствие балета я не могу объяснить. Для меня это очень странное сочетание, тем более что балетная постановка была очень слабой. Но я спел Сильвио в «Паяцах» и пришел к выводу, что музыка Леонкавалло — не гениальная.

— Ваше сотрудничество с первой оперной сценой мира будет продолжаться? От кого это зависит?

Д.Х.: Я буду петь в «Скала» еще, но точно пока не знаю репертуара. Все зависит от желаний и возможности маэстро Мути. Он — единственный лидер в театре. Приглашение от него я получил, но считаю, что маэстро отнесся ко мне снисходительно.

— Ольга Владимировна, здесь, в Перми, вы спели небольшой концерт из романсов Бородина, Кюи, Балакирева. Это и есть программа вашего предстоящего концерта в «Ла Скала»?

О.Б.: Только малая часть.

— Но миланской публике этот репертуар неизвестен. Вы не боитесь риска?

О.Б.: Кто не рискует... Перед концертом в «Скала» я опробую эту программу в Лондоне.

— Кстати о Лондоне. Вы спели там недавно с сэром Колином Дэвисом «Осуждение Фауста» Берлиоза. А перед этим выступали в этой партии в Петербурге под руководством Гергиева. Мне показало, что ваша Маргарита была ближе гётевской Гретхен — ангельской и возвышенной, чем берлиозовской Маргарите — эротичной и женственной?

О.Б.: Концертное исполнение «Осуждения» в Мариинском театре готовилось очень быстро. Главная задача была исполнить произведение целиком на сцене с хором и оркестром. Поэтому ваше ощущение правильное. Но потом, в «Ковент-Гардене» у меня было много времени для работы, много

репетиций, и теперь моя Маргарита совсем другая.

— Теперь вы с Дэвисом поете в Вене «Ромео и Джульетту» Берлиоза. А в родном театре вы не стали петь Эболи в новом спектакле «Дон Карлос», и получилось, что кроме концертного исполнения легенды Берлиоза у вас не было премьер. Насколько мне известно, то и в будущем сезоне среди новых премьер для вас нет роли. Вас это не удивляет?

О.Б.: Я всегда говорила, что у меня лирический голос, а не драматический. Россиниевский голос. И я не хочу петь музыку Верди, Бизе. Я хочу оставаться россиниевской певицей. Эболи я петь не хотела сразу. Попробовала и осталась недовольна. Отказалась. А пока в театре нет россиниевского репертуара, я выступлю в концертном исполнении «Золушки» Россини и в «Царской невесте» Римского-Корсакова в будущем сезоне.

— Дмитрий Александрович, для многих было неожиданным ваше обращение к такому драматическому произведению, как «Песни и пляски смерти» Мусоргского.

Д.Х.: Почему неожиданно? Плохо получилось?

— Это уже другой вопрос.

Д.Х.: У меня некоторый конфликт между лирическим голосом и драматическим талантом. Обращение к Мусоргскому было для меня рискованным, с одной стороны, и оправданным — с другой. Кроме того, в 30 лет рано петь такую музыку. И все же. Много раз прокатывая эту программу, я подумал, что нашел для себя какие-то подходящие элементы пения. Я стараюсь петь цикл лирично, оттеняя самые драматические моменты.

— Но в вашем исполнении потеряна сакральность этого цикла, который всегда был самым таинственным в русской камерной музыке.

Д.Х.: Не мне об этом судить.

Дмитрий Хворостовский

— А когда вы планируете обращение к драматическим оперным партиям?

Д.Х.: Не очень скоро. Пока я должен спеть более «удобные» для моего голоса партии: Дон Жуана, Графа в «Свадьбе Фигаро».

— Уже есть реальные планы исполнения моцартовского репертуара?

Д.Х.: Естественно. Я уже 2 — 3

года отодвигаю свои выступления в этих партиях. Мне хотелось бы начать работать над ними только с подходящими партнерами и наставниками — дирижером и режиссером. Мне предстоит на Зальцбургском фестивале в 95-м или 96-м году спеть Графа в спектакле Петера Штайна. Мы с ним познакомились в прошлом году и поговорили о возможностях совместной работы. Он человек неординарный, глубокий и очень простой в обращении. Меня это потрясло...

— Ольга Владимировна, вы спели спектакль «Самсон и Далила» Сен-Санса в «Ковент-Гардене» с Доминго. Дирижировал тоже Колин Дэвис. В свое время он выпускал этот спектакль?

О.Б.: Нет, дирижировал Марк Эрмлер.

— А какая она, ваша Далила? Она любит Самсона—Доминго или нет?

О.Б.: Моя Далила не такая страстная, как это принято. Холодная и расчетливая, как лиса. Думаю, что Далила не любила Самсона, иначе бы она бы не издевалась над ним в последней сцене.

— А Доминго давал вам какие-нибудь советы после спектакля, разбирая партию?

О.Б.: Он был просто счастлив. И даже плакал.

— Вы подчеркиваете, что ваше призвание — россиниевские оперы. И так много поете французского репертуара. Вам он близок или это от бездействия?

О.Б.: Нет, я очень люблю французские оперы. Но скоро начнут выполняться многие планы, и я смогу спеть и Россини. А Зучена, Эболи, Кармен — все они будут очень не скоро.

— А кто из россиниевских меццо-сопрано вам близок, кого вы слушаете?

О.Б.: Как россиниевскую певицу — Мэрилин Хорн. Из молодых мне нравится Чечилия Бартоли.

— Дмитрий Александрович, расскажите о Бартоли, ведь вы друзья. Тем более что в зарубежной прессе пишут, что ее фантастический голос в спектаклях теряет.

Д.Х.: Да, у нее маленький голос. Она обладает великолепным, блестящим талантом. В начале карьеры она пыталась подражать великим колоратурным меццо, Агнес Бальса, например. Но потом Бартоли стала заниматься более целеустремленно и теперь исполняет колоратуры с настоящим блеском, не прибегая к вокальным трюкам. У нее уникальный сценический шарм. А голос, я думаю, разовьется. У нас есть проект совместного выступления.

— Вы поете в Москве концертные программы, как оперный певец нашей публике вы незнакомы. Исполнение «Песен и плясок смерти» заставляет меня задать вам такой вопрос: вы нашли своего идеального концертмейстера? Этот вариант окончательный?

Д.Х.: На данный момент — идеальный. Ничего окончательного в искусстве не бывает. Я считаю Аркадьева идеальным концертмейстером, тем более что мы большие друзья.

— Какая из концертных программ вам кажется наиболее удачной?

Д.Х.: Всегда последняя.